

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В.И.Борисова

город Санкт-Петербург

27 сентября 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы гражданина В.И.Борисова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 56 УПК Российской Федерации свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний (часть первая); вызов и допрос свидетелей осуществляются в порядке, предусмотренном статьями 187–191 данного Кодекса (часть вторая); не подлежат допросу в качестве свидетелей, в частности, судья, присяжный заседатель об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по этому делу (пункт 1 части третьей). В соответствии со статьей 74 данного Кодекса доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном данным Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для этого дела; в той же статье перечислено, что допускается в качестве доказательств.

Конституционность данных норм оспаривает гражданин В.И.Борисов, который, как следует из представленных им материалов, осужден приговором Брянского областного суда от 2 октября 2020 года на основании вердикта коллегии присяжных от 17 сентября 2020 года за совершение преступлений к лишению свободы сроком на 17 лет, со штрафом в размере 200 000 руб., с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев. Первым апелляционным судом общей юрисдикции 27 января 2021 года приговор оставлен без изменения, с чем 7 октября 2021 года согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Судья Верховного Суда Российской Федерации 27 января 2022 года отказал в

передаче надзорной жалобы, поданной в интересах В.И.Борисова, для рассмотрения в судебном заседании Президиума этого суда.

В апелляционных жалобах сторона защиты со ссылкой на полученные письменные объяснения присяжных утверждала, что на коллегия присяжных оказывалось воздействие со стороны их старшины. С целью проверки этого утверждения суд апелляционной инстанции 22 декабря 2020 года направил и.о. председателя областного суда поручение об опросе коллегии присяжных. В рамках исполнения поручения судьей, председательствовавшим при рассмотрении уголовного дела, получены объяснения от пяти присяжных, а также от двух запасных присяжных. Трое присяжных не явились в суд для дачи объяснений.

В ходе апелляционного разбирательства дела после опроса присяжного, ранее давшего объяснения адвокату, старшины присяжных и после оглашения объяснений присяжных сторона защиты заявила ходатайство о вызове в судебное заседание еще восьми присяжных для получения объяснений непосредственно в заседании. Суд апелляционной инстанции в удовлетворении ходатайства отказал, а в своем итоговом решении пришел к выводу, что представленные стороной защиты сведения об обстоятельствах, касающихся предполагаемых нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, не нашли подтверждения. Судом кассационной инстанции в связи с доводами стороны защиты также предложено председателю областного суда провести служебную проверку на предмет установления соответствующих обстоятельств. Но доводы стороны защиты опять не нашли подтверждения.

По мнению В.И.Борисова, оспариваемые нормы противоречат статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 50 (часть 2) и 123 (части 3 и 4) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют суду апелляционной инстанции использовать в качестве доказательств объяснения присяжных, полученные судьей суда первой

инстанции, под председательством которого рассматривалось уголовное дело.

Таким образом, с учетом статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются части первая, вторая, пункт 1 части третьей статьи 56 и статья 74 УПК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос об обращении суда апелляционной инстанции в суд первой инстанции для опроса коллегии присяжных заседателей по доводам апелляционной жалобы или представления стороны, оспоровшей приговор, о предполагаемом нарушении тайны их совещания или об иных нарушениях уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта и о принятии полученных объяснений в качестве доказательств.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в главе 2 права и свободы человека и гражданина, включает в их число право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (статья 47, часть 2), а в главе 7 о судебной власти и прокуратуре указывает, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных (статья 123, часть 4).

Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), провозглашающими равенство всех перед законом и судом и принцип состязательности судопроизводства при равноправии сторон, следует, что право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П, от 8 июня 2015 года № 14-П и др.). При этом, по смыслу ее статей 47 (часть 1), 118 (часть 1) и 120 (часть 1), важнейшим элементом права на судебную защиту является право на доступ к правосудию, а также право на

независимый и беспристрастный суд как необходимое условие справедливого правосудия, что в равной мере относится и к суду с участием присяжных.

Право на пересмотр приговора вышестоящим судом, гарантируемое статьей 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, реализуется в уголовном судопроизводстве через право осужденного обратиться как минимум в суд апелляционной инстанции для проверки вынесенных в его уголовном деле судебных решений в том числе на предмет соблюдения процессуальных правил, входящих в основное содержание конституционного права на судебную защиту и обеспечивающих непредвзятость суда, призванного самостоятельно, без постороннего вмешательства принимать решения, относящиеся к его полномочиям, в частности обеспечивающих объективность коллегии присяжных. Отсутствие возможности пересмотреть акт, принятый судом, независимость и беспристрастность которого вызывает сомнения, противоречило бы критериям справедливости правосудия, умаляло бы и ограничивало право на судебную защиту. В этой связи законодатель, определяя порядок отправления правосудия, обязан предусмотреть как основания отмены или изменения ошибочных судебных решений, так и механизм их проверки, устанавливаемый в соответствии с принципами правосудия, с требованиями к ходу, средствам и содержанию доказывания.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации включает – в развитие изложенных конституционных положений – право на обжалование процессуальных действий и решений в число принципов уголовного судопроизводства (статья 19), закрепляет гарантии права на обжалование производимых процессуальных действий и принимаемых процессуальных решений в той части, в которой они затрагивают интересы участников уголовного судопроизводства (глава 16), а также вводит конкретные процедуры пересмотра судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, каждой из которых посвящен отдельный комплекс

статей (главы 45¹, 47¹ и 48¹), регламентирующих движение уголовного дела по судебным инстанциям.

Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что специфика природы суда с участием присяжных и механизма принятия им решений обуславливает особые правила, касающиеся оснований, пределов и порядка пересмотра судебных решений, основанных на вердикте присяжных. Они, кроме прочего, отдельно от председательствующего судьи решают вопросы доказанности фактических обстоятельств дела – о наличии события преступления, о его совершении подсудимым и о виновности подсудимого, тогда как председательствующий руководит ходом судебного заседания и без участия присяжных единолично разрешает иные вопросы (статья 334 и часть первая статьи 339 УПК Российской Федерации). Присяжные, не будучи профессиональными судьями и опираясь при оценке доказательств и принятии решения преимущественно на свой жизненный опыт и сформировавшиеся в обществе представления о справедливости, не обязаны мотивировать сделанные ими в вердикте выводы, а председательствующий, постановляя приговор, лишь ссылается на обстоятельства, признанные присяжными установленными, но не должен аргументировать принятое ими решение собственными доводами (Постановление от 6 апреля 2006 года № 3-П; определения от 25 января 2005 года № 68-О и от 7 ноября 2008 года № 1029-О-П). Соответственно, исходя из того, что проверка обоснованности процессуальных решений по общему правилу возможна только в том случае, когда на принимающих решение лицах лежит обязанность привести его мотивы, законодатель ограничил круг оснований, по которым возможны отмена или изменение приговора, постановленного на основе вердикта присяжных (Постановление от 8 декабря 2003 года № 18-П; определения от 19 марта 2009 года № 217-О-О, от 25 ноября 2010 года № 1495-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1224-О-О, от 18 октября 2012 года № 1910-О и др.).

Из статьи 389²⁷ УПК Российской Федерации следует возможность обжаловать в апелляционном порядке судебные решения, вынесенные с участием коллегии присяжных, лишь с точки зрения правильности

применения норм права (существенное нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона или несправедливость приговора), но не с точки зрения установления фактических обстоятельств уголовного дела. Обусловленное природой суда присяжных сужение рамок обжалования приговора компенсируется наличием дополнительных процессуальных гарантий, предоставляемых обвиняемым в ходе судебного разбирательства исключительно с учетом того, что именно вердикт присяжных служит содержательной основой приговора (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 1052-О).

3. К числу безусловных оснований для пересмотра приговора судом апелляционной инстанции Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации отнес нарушение тайны совещания коллегии присяжных при вынесении вердикта (пункт 8 части второй статьи 389¹⁷). Это, однако, не исключает и пересмотра приговора, постановленного с участием присяжных, при наличии иных существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые из-за несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли либо могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения (часть первая той же статьи). Таковыми могут быть признаны и нарушения, затрагивающие независимость и самостоятельность присяжных в решении вопросов, отнесенных к их полномочиям.

Поскольку коллегия присяжных формируется из граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, для исключения отрицательного воздействия на них, включая давление посредством угроз жизни и физической неприкосновенности, законодатель предусмотрел, что на присяжного в период осуществления им правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», нормами Закона Российской Федерации от

26 июня 1992 года № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным законом от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». В силу пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части 1 статьи 12 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» судья – а потому и присяжный заседатель – не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, представлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом. Это согласуется с тем, что присяжные не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по нему, и с запретом присяжным нарушать тайну совещания и голосования по поставленным перед ними вопросам, разглашать суждения, имевшие место во время совещания, – сведения о таких суждениях не могут быть предметом собирания любым путем, как недопустимо и добывание любым способом показаний присяжных (опрос, допрос, получение объяснений) о таких суждениях, об их убеждениях, легших в основу вердикта, который во всяком случае не предполагает мотивировки (пункт 1 части третьей статьи 56, пункты 2 и 5 части второй статьи 333, часть четвертая статьи 341, статьи 342 и 343 УПК Российской Федерации).

Следовательно, эти сведения, как потенциально угрожающие праву присяжных на неприкосновенность и добытые таким путем, который сам является нарушением уголовно-процессуального закона, в силу статьи 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации не могут быть использованы в доказывании по уголовному делу.

3.1. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации нарушение тайны совещания присяжных устанавливается в

процедуре, предметом которой выступают не сведения, образующие (раскрывающие) тайну суждения присяжных и касающиеся существа и обстоятельств разрешения в совещательной комнате поставленных перед ними вопросов, а факты нарушений уголовно-процессуального закона, которые ставят (могут поставить) под сомнение независимость и беспристрастность присяжных. Вопрос о наличии или отсутствии подобного нарушения во всяком случае подлежит выяснению судом апелляционной инстанции по жалобе или представлению, содержащим доводы и материалы, указывающие на такое основание для пересмотра приговора (пункт 4 части первой статьи 389^б и пункт 2 статьи 389¹⁵ УПК Российской Федерации) (Постановление от 7 июля 2020 года № 33-П). Причем предполагается достаточным само заявление о соответствующем факте апеллянтом, на которого не возложено законом (и не может возлагаться в силу специфики правосудия с участием присяжных) бремя доказывания подобного нарушения. Утверждение кого-либо из присяжных об угрозах, запугивании, подкупе, каком-либо ином противоправном воздействии или вмешательстве в их деятельность тем более подлежит обязательной проверке – как свидетельствующее о возможном процессуальном нарушении или даже о преступлении против правосудия.

Исходя из предназначения правосудия, самостоятельности и независимости судей, состязательности сторон, суд апелляционной инстанции, рассматривая соответствующее заявление стороны, оспаривающей приговор, должен использовать в рамках предоставленных ему полномочий возможности по проверке доводов о нарушениях, имевших место при обсуждении и вынесении присяжными вердикта. Иное ставило бы решение по таким вопросам в зависимость от позиции стороны, свидетельствовало бы о неоспоримости ее доводов, противоречило бы целям судопроизводства, роли суда как органа правосудия. При этом суд апелляционной инстанции не вправе сужать объем проверки судебных решений, игнорировать или произвольно отклонять доводы обращения, не приводя фактических и правовых мотивов отказа в удовлетворении заявленных требований,

поскольку мотивировка решения суда должна основываться на рассмотрении конкретных обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и в дополнительно представленных сторонами материалах, а также на нормах материального и процессуального права (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2004 года № 237-О, от 25 января 2005 года № 42-О, от 17 декабря 2008 года № 1091-О-О, от 23 июня 2016 года № 1319-О и др.).

Информация о высказывании присяжными своих мнений по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, об их общении с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств этого дела, о собирании данных по делу вне судебного заседания, о стороннем воздействии на них при обсуждении вердикта и при голосовании, о присутствии в совещательной комнате других лиц, помимо присяжных, свидетельствует о нарушении уголовно-процессуального закона либо ином противоправном поведении самих присяжных или других лиц и не может расцениваться в качестве сведений, ставших известными присяжным в связи с участием в производстве по уголовному делу, применительно к пункту 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации. Не является она и сведениями, составляющими тайну совещания присяжных, а потому такая информация может стать предметом изучения и оценки суда апелляционной инстанции, в том числе с привлечением осведомленных лиц, каковыми могут быть и присяжные. Специфика разрешения ими вопросов и тайна их совещания делают их зачастую единственно возможным (допустимым) источником информации о нарушениях, имевших место при обсуждении и вынесении вердикта. Тогда суд апелляционной инстанции лишь в ходе непосредственной и устной проверки сообщенных присяжными сведений, при их сопоставлении как между собой, так и с иными фактами, имеющимися в его распоряжении, может прийти к внутреннему убеждению о необходимости (либо об отсутствии таковой) исправить ранее допущенную судебную ошибку.

Вместе с тем – учитывая распространение гарантий независимости и неприкосновенности судей на присяжного, осуществляющего правосудие, а также принимая во внимание взаимосвязанные положения статей 29 и 30, главы 42 УПК Российской Федерации – присяжный, входящий в состав суда, рассматривающего уголовное дело, не может в том же самом деле иметь статус свидетеля, а потому вызываться на допрос и давать показания по правилам статей 187–190, 278, 278¹ и 389¹³ данного Кодекса. Иное противоречило бы предназначению суда, разделению процессуальных функций участников судопроизводства, как они определены Конституцией Российской Федерации (статья 51, часть 2; статья 118, часть 1; статья 123, части 3 и 4) и данным Кодексом (раздел II). Равным образом возможность последующего вызова присяжного в качестве свидетеля на допрос, предполагающий обязательность явки, допустимость привода или денежного взыскания за неявку без уважительных причин (статьи 113 и 117 данного Кодекса), была бы несовместима со статусом лица, осуществляющего правосудие.

3.2. Невозможность пригласить присяжных в заседание суда апелляционной инстанции делала бы затруднительной проверку сведений, изложенных в апелляционных жалобе или представлении, а потому беспочвенно ограничивала бы возможности этого суда по исследованию в заседании объяснений, мешала бы оценить их по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью (статья 17 УПК Российской Федерации). Вызов же присяжного на допрос в качестве свидетеля не отвечал бы независимости присяжных. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации, дав в Постановлении от 7 июля 2020 года № 33-П конституционно-правовое истолкование пункта 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации в системе действующего регулирования, признал правомочие суда апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, постановленный судом с участием присяжных, пригласить присяжных в судебное заседание для выяснения обстоятельств

предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, но подчеркнул, что это не означает придания присяжным процессуального статуса свидетеля и предполагает именно их право, а не обязанность дать пояснения суду апелляционной инстанции по поводу таких обстоятельств, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, о позициях присяжных при голосовании по поставленным перед ними вопросам.

4. Содержащееся в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 года № 33-П конституционно-правовое истолкование является концентрированным выражением пределов привлечения – в системе действующего регулирования – присяжных к сбору сведений о возможных нарушениях при вынесении вердикта, с учетом требуемого баланса между необходимостью выполнения судом апелляционной инстанции своей конституционно значимой процессуальной функции, с одной стороны, и гарантиями статуса присяжных – с другой. Никаких других правовых форм, в которых возможно с согласия лица, бывшего присяжным, получить от него пояснения об обстоятельствах предполагаемого (указанного в апелляционных жалобе или представлении) нарушения уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, ни названное Постановление, ни какая-либо норма закона не устанавливают (за исключением случаев расследования преступлений против правосудия, когда получение соответствующих сведений также допустимо). Вовлечение же этого лица в иных – прямо не предусмотренных законом – формах в такие процессуальные или даже организационно-судебные отношения, где он участвует в формировании доказательств или, по крайней мере, сведений об источниках тех фактов, которые могут стать предметом исследования в суде апелляционной инстанции, может приводить к нарушению означенного баланса.

При этом, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2017 года № 21-П, требования инстанционности уголовного судопроизводства исключают выполнение судом первой инстанции процессуальных действий и принятие процессуальных решений после завершения им производства по делу, когда его итоговые решения оспорены и подлежат проверке в вышестоящем суде и тем более само дело уже находится в таком суде. Это обусловлено как самой логикой уголовного процесса, так и необходимостью не допустить коррекцию судом своих действий и решений, в сохранении юридической силы которых он заинтересован и правомерность которых подлежит оценке вышестоящим судом, – такая коррекция делала бы беспредметными доводы обратившихся в вышестоящий суд сторон и снижала бы эффективность судебной защиты, гарантируемой Конституцией Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации относит к общим условиям судебного разбирательства непосредственность и устность (статья 240), которые должны соблюдаться в качестве гарантии законного и мотивированного решения суда, отвечающего требованиям справедливости, и при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции (за исключениями, прямо оговоренными законодателем, – статья 389¹³). Принцип непосредственности и устности предполагает, что решение суда апелляционной инстанции может быть основано лишь на тех доказательствах, которые исследованы в судебном заседании с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – достаточности для разрешения дела (часть первая статьи 88 данного Кодекса).

Поскольку указанные в апелляционных жалобе или представлении доводы о нарушениях в ходе обсуждения и вынесения присяжными вердикта не были и не могли быть предметом рассмотрения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции не вправе уклониться от их самостоятельной проверки и оценки. Вынесение судом апелляционной инстанции решения без непосредственного выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения – в

том числе путем приглашения им лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных, для дачи ему пояснений – противоречило бы требованиям непосредственности и устности судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции. В этом смысле значимым является и то, что стороны могут задавать данным лицам вопросы и реакция на них вносит свой вклад в формирование того внутреннего убеждения, на основе которого суд выносит свои решения.

Кроме того, получение судом первой инстанции объяснений от присяжных по запросу суда апелляционной инстанции в связи с подготовкой последним дела к слушанию (даже если принять во внимание, что данные объяснения не служат доказательствами и во всяком случае предполагается дальнейшее заслушивание присяжных в заседании суда апелляционной инстанции) способно затруднить получение информации от этих лиц уже в качестве доказательств: они могут счесть свой гражданский долг – содействовать установлению истины – исполненным после дачи объяснений в нижестоящем суде и в судебное заседание по приглашению суда апелляционной инстанции не явиться, имея в виду отсутствие у них соответствующей обязанности. Содержание же собранных судом первой инстанции объяснений – даже если таковым статус доказательств не придается и они не пропущены через процесс судебного разбирательства, когда стороны могут ставить их под сомнение своими уточняющими вопросами, – само по себе не может не влиять на формирование позиции суда апелляционной инстанции, которому это содержание будет, безусловно, известным, поскольку объяснения собирались по его обращению.

5. Таким образом, части первая, вторая, пункт 1 части третьей статьи 56 и статья 74 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не допускают возможности суду первой инстанции получить в порядке служебной проверки от присяжных заседателей объяснения о предполагаемом нарушении тайны их совещания или об иных нарушениях уголовно-

процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, в том числе по запросу суда вышестоящей инстанции в связи с исследованием последним вопроса о таких нарушениях, а если из материалов апелляционных жалобы или представления стороны, оспорившей приговор, усматриваются основания для предположений о наличии такого нарушения, то выяснение соответствующих обстоятельств должно осуществляться непосредственно в заседании суда апелляционной инстанции в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и правовыми позициями, выраженными в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 года № 33-П.

Из имеющихся в распоряжении Конституционного Суда Российской Федерации материалов следует, что в заседании суда апелляционной инстанции по уголовному делу В.И.Борисова двумя опрошенными членами коллегии присяжных представлена различающаяся информация в отношении воздействия на позицию членов коллегии, на которое указывала сторона защиты, а вопрос об основаниях для отмены приговора в апелляционном порядке разрешен непосредственно в судебном заседании с учетом этой информации. При таких обстоятельствах даже приглашение всех других присяжных в заседание суда апелляционной инстанции – особенно по прошествии достаточно долгого времени и с учетом их права, но не обязанности дать пояснения суду – объективно не позволит сформировать иной, чем в ранее состоявшемся заседании, массив сведений для оценки судом по внутреннему убеждению. Тем самым пересмотру уголовного дела был бы придан, по сути, формальный характер, а потому, руководствуясь пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным решить, что судебные акты по делу заявителя не подлежат пересмотру.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О

Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать части первую, вторую, пункт 1 части третьей статьи 56 и статью 74 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не дают суду первой инстанции возможность получить в порядке служебной проверки от присяжных заседателей объяснения о предполагаемом нарушении тайны их совещания или об иных нарушениях уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, в том числе по запросу суда вышестоящей инстанции в связи с исследованием последним вопроса о таких нарушениях, а если из материалов апелляционных жалобы или представления стороны, оспорившей приговор, усматриваются основания для предположений о наличии такого нарушения, то выяснение соответствующих обстоятельств должно осуществляться непосредственно в заседании суда апелляционной инстанции в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и правовыми позициями, выраженными в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 года № 33-П.

2. Конституционно-правовой смысл частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 35-П

Конституционный Суд
Российской Федерации